

Чи Шэнь восстанавливался несколько дней, и вскоре от раны не осталось и следа. Смазав кожу мазью, он вскинул голову и с улыбкой посмотрел на Тянью:

— Брат, это снадобье против шрамов просто чудодейственное. Не прошло и трех дней, а такой результат!

Сян Тянью не смог сдержать смешка.

— Ты всерьез полагаешь, — усмехнулся он, — что подобную вещь можно купить в любой лавке, просто выложив горсть серебра?

Чи Шэнь забавно сморщил нос:

— Неужели оно опять приготовлено из какой-нибудь редкой травы, что росла сотни или тысячи лет?

— Ну, до тысячетлетних растений тут далеко, — возразил Тянью, — однако цветы, из которых варят эту мазь, встречаются крайне редко. Обычно их поставляют в императорский дворец для самых высокопоставленных наложниц, желающих сохранить вечную юность. Впрочем, оставим это. Лучше взгляни-ка сюда.

Сян Тянью достал два резных деревянных футляра и раскрыл их перед Чи Шэнем. Внутри, на подложке из мягкой ткани, лежали два изделия из превосходного нефрита. Первое — из камня сорта «душаньская фужун» — было молочно-белым и теплым на вид, лишь с одного края проступал нежный розоватый оттенок. Мастер искусно вырезал из него белоснежный корень лотоса, разделенный на три пухлых коленца, напоминающих ручку младенца, а в том месте, где камень розовел, распустился бутон лотоса, на лепестках которого застыли капли росы.

Второе украшение, из тысячетлетней яшмы, поражало своей маслянистой гладкостью. Множество лotosовых листьев теснились друг к другу, напоминая подол пышной юбки, а среди них мелькал хвост бирюзового карпа, пускающего по воде круги.

— Это же те самые камни, что мы купили! Наконец-то работа закончена! — Чи Шэнь бережно брал по очереди каждое украшение, не в силах скрыть восторга. — До чего же красиво!

Камни были невелики и не относились к самым дорогим сортам, но смысл, вложенный в резьбу, оказался безупречен. Сян Тянью остался доволен, увидев, как просиял его младший брат.

— Мы с тобой люди простые: привыкли считать, что вещь принадлежит нам, только если на ней выбито имя. Но старый мастер зрит глубже — он сумел воплотить в камне саму суть, — заметил Тянью.

Чи Шэнь активно закивал, все еще любуясь подарками.

— Брат, а какой из них мне?

Тянью взял подвеску из розового нефрита, закрепил её на шее мальчика и спрятал за ворот:

— Бирюзовый цвет слишком строг для тебя, он для более зрелых людей. А вот этот нежный лотос идеально подходит твоему характеру.

Чи Шэнь в ответ взял яшмового карпа и, выпрямившись, надел украшение на Сян Тянью.

— Говорят, что нефрит и человек питают друг друга, — негромко произнес он. — Если носить его долго, камень сможет отвести беду от своего хозяина.

Они стояли в тишине, наслаждаясь моментом, как вдруг из внешней комнаты донесся негромкий голос Юй Чжи:

— Пятый молодой господин, маленький молодой господин, старый господин просит вас немедленно явиться во дворик Чунью.

Когда братья вошли в главный зал, выяснилось, что все уже в сборе — ждали только их. После церемонных приветствий они заняли свои места. Маркиз Сян Динтянь, не обращая внимания на причитания и плач Третьей наложницы, тяжело произнес:

— Четвертого молодого господина нет уже трое суток. Прошлой ночью люди из поместья тайно прочесали все места, где он обычно бывает, но его и след простыл. Дело принимает дурной оборот.

Услышав это, Чи Шэнь невольно вздрогнул. Сердце его сжалось от страха: он понимал, что брат приложил к этому руку, и боялся, что тот не сможет оправдаться. Маркиз, чей взгляд был остр, мгновенно заметил перемену в лице мальчика. Хлопнув ладонью по подлокотнику кресла, он рывкнул, вложив в голос частицу своей сокровенной силы:

— Сян Сяобао! Тебе есть что сказать?

От этого окрика Чи Шэнь едва не подскочил. Кожу на голове стянуло от напряжения, он не знал, как поступить, и даже не смел взглянуть на брата. Но Сян Тянью внезапно встал и вышел на середину зала. Лицо его было преисполнено мрачной тревоги и затаенного раскаяния.

— Отец, во всем виноват я! — твердо произнес он. — Боюсь, четвертый брат сейчас в большой опасности.

Плач Третьей наложницы мгновенно стих. Она замерла, прижав руку к груди, и с ужасом воззрилась на Сян Тянью. Маркиз же хранил молчание, ожидая объяснений.

— Три дня назад, когда я одержал победу на арене, Бао-эр ждал меня снаружи. Там на него напали и похитили. По счастью, мой друг, проиграв в первом же бою, решил заглушить горечь поражения вином и отправился в город раньше срока. Он случайно наткнулся на похитителей

и сумел отбить мальчика.

Чи Шэнь быстро сориентировался, встал и подошел к Тянью.

— Все именно так, — подтвердил он. — До сих пор в дрожь бросает, как вспомню те минуты.

— Что это за дерзкие налетчики? — сурово спросил маркиз.

— Мне это неизвестно, отец. Их мастерство было странным и пугающим — даже опытные воины, участвовавшие в борьбе за жетон, не смогли бы им противостоять. Из четырех моих охранников трое погибли на месте. Брат У едва спас Бао-эра, а схватить кого-то из нападавших было выше его сил. Если сомневаешься, отец, можешь сам расспросить людей или отправить стражу на поиски следов.

— О таком происшествии ты должен был доложить немедленно! — Сян Динтянь не скрывал своего гнева.

— Я сглупил, — Тянью виновато опустил голову, играя свою роль безупречно. — Эти люди — явно тертые калачи, к тому же нападение произошло в самый разгар борьбы за жетон. Я решил, что они хотели использовать Бао-эра, чтобы шантажировать меня. Но теперь, когда пропал четвертый брат... неужели у нашей семьи объявились столь опасные враги?

Третья наложница побледнела и перевела умоляющий взгляд на маркиза, не смея больше проронить ни слова. Сян Динтянь долго размышлял, лицо его то и дело омрачалось. Наконец он отчеканил:

— Подготовьте описания этих бандитов и передайте в управу. Пусть ищут со всем усердием!

— Господин... — пролепетала наложница, — с четвертым молодым господином ведь ничего не случится?

Маркиз бросил на нее холодный взгляд:

— Успокойся. Жив Тяньцзюэ или мертв, я не позволю всякому сброду топтать имя семьи Сян. Кто бы это ни был, я найду их и взыщу долг сполна!

Услышав слова «жив или мертв», женщина окончательно лишилась сил и рухнула бы на пол, если бы не спинка стула. Она лишь закрыла лицо платком, заходясь в беззвучном рыдании.

Когда братья вернулись к себе, слухи о происшествии уже разлетелись среди прислуги. Стоило Юй Чжи увидеть Сян Тянью, как она задрожала всем телом, словно мышшь перед котом. Тянью это только позабавило. Он жестом велел ей войти, сел за стол и отхлебнул чаю. Напиток был именно той температуры, которую он любил.

— Свои обязанности ты стала исполнять куда лучше, — заметил он бесстрастно.

Ноги Юй Чжи подкосились, и она рухнула на колени, перепугав Чи Шэня.

— Пятый молодой господин, пощадите! — взмолилась она. — Клянусь, я ничего не знала о похищении маленького господина!

— Не бойся, встань, — голос Тянью оставался ровным, без тени гнева. — Я знаю, что ты здесь ни при чем, иначе тебя бы здесь уже не было.

Юй Чжи облегченно выдохнула, но подниматься не спешила.

— Вы мудры, господин. Но я глупа и боюсь, что если старый господин или госпожа начнут расспрашивать меня, я сболтну лишнего от страха.

— Похитители были мастерами боевых искусств, — спокойно подсказал Тянью. — Ты почувствовала острую боль в затылке и потеряла сознание. Ты ничего не слышала и ничего не видела. Разве можно тут что-то напутать?

— Благодарю за наставление, господин. Теперь я всё поняла.

— Юй Чжи, ты девочка неглупая, но тратишь ум на сущие пустяки. Ты ведь служила раньше у Третьей наложницы?

— Было дело, господин... Но я только на кухне помогала, в покои меня не пускали.

— Немудрено, что кругозор твой так узок, — Сян Тянью усмехнулся. — Дам тебе совет: если хочешь чего-то добиться, бери пример с тех, кто служит во двореке Чунью. У Третьей наложницы будущего нет. Старайся заслужить милость главной госпожи — глядишь, когда придет срок, она подыщет тебе достойного мужа в крепком доме.

Юй Чжи принялась бить поклоны, слезы благодарности закапали на пол:

— Спасибо, господа! Мне ничего не нужно, я лишь хочу верой и правдой служить вам двоим!

Когда служанка ушла, Чи Шэнь с опаской огляделся по сторонам. Тянью рассмеялся:

— Чего ты ищешь?

— Тише, брат, — прошептал мальчик. — У стен есть уши.

Тянью подтянул его к себе:

— Поздно, все уже подслушано!

Увидев, что Чи Шэнь всерьез заволновался, он добавил:

— Успокойся. Ни одна мышь не проскочит мимо моих ушей. В этой комнате можешь говорить всё, что вздумается.

— Брат, это ведь ты забрал Сян Тяньцзюэ?

Сян Тянью не ответил прямо, лишь лукаво прищурился, и Чи Шэнь всё понял без слов. Лицо мальчика омрачилось:

— Обмануть остальных — полдела, но с маркизом шутки плохи.

— Пусть ищет, — отозвался Тянью. — Если он докопается до правды, то сам же и станет её скрывать. К тому же я не собираюсь убивать Тяньцзюэ. Завтра его вернут. Как говорится, «лучше плохо жить, чем хорошо лежать в земле». Пока он жив, его родня будет осторожничать и не решится идти на нас войной.

В голове Чи Шэня роились вопросы.

— Что же ты с ним сделал? И как поступил с тем старым мерзавцем из поместья Чэн?

— Хм, этот старик... даже сотни смертей мало, чтобы утолить мою ярость. Я хотел прихлопнуть всё его гнездо, но У Юнь сказал, что его домочадцы ни о чем не знали. Что ж, долги отцов платят дети. Когда слава семьи Чэн смешается с грязью, спокойная жизнь для них закончится навсегда.

В это время Сян Тяньцзюэ находился в мрачной водной темнице. Его мольбы о помощи превратились в едва слышный хрип — после трех дней голода у него не осталось сил даже на крик. Он бессильно скользил руками по влажным стенам. Нижняя часть его тела была погружена в ледяную жижу, стиснутую каменным мешком. После очередной попытки позвать на помощь он потерял сознание и безвольно рухнул в воду.

Сверху, услышав всплеск, кто-то заглянул в узкое окно:

— Отключился. Выбивай затычку, пусть вода стекает.

Когда стало сухо, в темницу спустились трое дюжих мужчин. Тот, что шел первым, брезгливо пнул обмякшее тело Тяньцзюэ:

— Спекся. Пока не испустил дух, тащите его к воротам поместья Сян. Нужно успеть покинуть столицу до рассвета.

Той ночью стражника у ворот поместья Сян вырвал из дремоты тяжелый глухой звук. Бросившись смотреть, что случилось, он в ужасе замер: при бледном свете луны на пороге лежал Сян Тяньцзюэ. Лицо его было белым, как у покойника, и лишь прерывистое дыхание выдавало жизнь. Вокруг не было ни души — только ветер свистел в подворотне...

— Господин, вы должны наказать виновных! — рыдала Третья наложница. — Лекарь говорит, что ледяная вода лишила его мужской силы, да и ноги теперь едва ли будут ходить... Как же он будет жить дальше?!

Сян Динтянь, уставший от её воплей, раздраженно бросил:

— Пусть лекари лечат! Прошло всего пару дней, а ты уже завываешь покойнику в тон.

Наберись терпения и прекрати этот плач!

<http://bllate.org/book/17417/1658578>